

УДК 811.112.2'23+811.161.1'23

ББК 81.2Рус+81.2Нем

В. Гладров
Берлин, Германия,
Е. Г. Которова
Зелёна-Гура, Польша

W. Gladrow
Berlin, Germany,
E. G. Kotorova
Zielona Góra, Poland

КОНТРАСТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МОДЕЛЕЙ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

CONTRASTIVE STUDY OF SPEECH BEHAVIOR PATTERNS

Аннотация. Возросший интерес к анализу речевого поведения человека вызывает необходимость определения базовой единицы коммуникативной сферы, которая могла бы служить основой для её анализа. В первой части статьи обсуждаются предлагаемые различными авторами единицы речевой деятельности, такие как речевой акт (Дж. Остин и Дж. Сёрль), речевой жанр (М. Бахтин), ситуативная, аспектная и параметрическая модели коммуникативного поведения (И. Стернин), модель речевой деятельности (К. Элих и Й. Ребайн). В заключение обзора на суд читателя выносятся авторская интерпретация базовой единицы коммуникации, которую предлагается назвать моделью речевого поведения (МРП). Иллокутивное содержание и общая организация МРП могут считаться универсальными, в то время как их языковая реализация является культурно обусловленной и может существенно различаться в разных языковых сообществах. Высказывания, входящие в определённую МРП, организованы по принципу поля, в составе которого выделяется прототипический центр и градуально сформированная периферия. Во второй части статьи описываются основные факторы и компоненты контрастивного анализа МРП, к которым относятся: дефиниция иллокутивной цели, выявление коммуникативно-прагматических факторов и основных структурных форм реализации МРП, контрастивное описание состава и иерархии коммуникативно-прагматических полей в анализируемых языках. В заключение выявляются различия между понятиями эквивалентности и адекватности и возможные отношения между ними в контрастивной лингвистике.

Ключевые слова: речевое поведение, модель, межкультурная коммуникация, контрастивная лингвистика, русский, немецкий.

Abstract. The increased interest in the analysis of human verbal behavior leads to the need to define a basic unit of the communication sphere which could serve as the basis of its analysis. The first part of the article provides an overview of different speech units proposed by various authors, such as a speech act (J. Austin and J. Searle), speech genre (M. Bakhtin), situational, aspect and parametric model of communicative behavior (I. Sternin), speech action pattern (K. Ehlich und J. Rehbein). As a conclusion to the overview, the authors propose their own interpretation of the basic unit of communication which they call "speech behavior pattern" (SBP). The illocutionary content and general organization of SBP can be considered universal, while its realization in a language is culturally conditioned and therefore may vary significantly in different language communities. Utterances constituting a certain SBP are organized as a field, which includes a prototypical center and a gradually formed periphery. The second part of the article considers the major factors and components of the contrastive analysis of SBP, including a definition of the illocutionary goal, identifying situational-pragmatic factors and the implementation of major structural forms of SBP, contrastive description of the structure and a hierarchy of communicative-pragmatic fields in the languages under analysis. Finally, the article reveals differences between the notions of equivalence and adequacy and describes possible relations between them in contrastive linguistics.

Key words: speech behavior, pattern, intercultural communication, contrastive linguistics, Russian, German.

Сведения об авторе: Гладров Вольфганг, доктор филологических наук, почётный доктор, профессор-эмерит.

Место работы: Берлинский университет им. Гумбольдта (Германия), Институт славистики.

Которова Елизавета Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лексикологии и прагмалингвистики.

Место работы: Зеленогурский университет (Польша), Институт германской филологии.

Контактная информация: W. Gladrow: Fritz-Reuter Str. 10, D-15732 Eichwalde, BRD. Tel. +4930-6754530; E-Mail: wolfgang.gladrow@rz.hu-berlin.de

E. Kotorova: Ostender Str. 35, D-13353 Berlin, BRD, Tel +4930-86387797 / ul. Prosta 6, m. 108, 65783 Zielona Góra, Polska, Tel. +4868-3287823. E-mail: e.kotorova@gmail.com

About the author: Gladrow Wolfgang, Doctor of Philology, Doctor honoris causa, Prof. em.

Place of employment: Humboldt University of Berlin, Institute for Slavonic Studies.

Kotorova Elizaveta Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Lexicology and Pragmalinguistics.

Place of employment: University of Zielona Góra (Poland), Institute for German Studies.

1. Модель речевого поведения (МРП) как базовая единица коммуникативно-прагматического анализа

Новейшие лингвистические исследования характеризуются выраженным интересом к анализу форм устной и письменной речи и изучению условий использования языковых средств говорящими при внутри- и межкультурной коммуникации. Такой подход с неизбежностью влечёт за собой необходимость выделения и определения базовых единиц коммуникативной сферы, которые могли бы служить основой для анализа речевого поведения индивидуумов и коммуникативных сообществ. Минимальной единицей речевого общения признаётся высказывание, которое, в отличие от предложения как единицы системы языка, является тесно связанным с речевой ситуацией, фоновыми знаниями говорящего, его целевыми установками и отношением к окружающему миру (ср. [1 : 18; 2 : 423 ; 3 : 36–40 ; 4 : 159 ; 5 : 199 ; 6 : 28–29] и др.). Понятие высказывания нередко, особенно на первых этапах развития прагматической лингвистики, связывалось, а порой и отождествлялось с понятием речевого акта: «Универсум речи не образуется ни словами, ни предложениями: он образуется высказываниями (речевыми актами)» [7 : 99]. При такой интерпретации термина под речевым актом понимается некое конкретное коммуникативное действие, реализующее целевую установку говорящего. Джон Сёрль, указывая на то, что под речевыми актами он имеет в виду, прежде всего, иллокутивные акты, пишет: «производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» [8 : 151]. В ходе развития теории речевых действий, однако, становится ясно, что одна и та же иллокуция может быть выражена разными способами, в связи с чем за понятием «речевого акта» закрепляется более широкий смысл, а именно, некоего набора высказываний, реализующих одну и ту же коммуникативную цель. Таким образом, форма термина «речевой акт» становится дезориентирующей (ср. [3 : 235]), так как его содержание обозначает теперь не собственно «акт», не процесс производства высказываний, а их функциональную общность. Данная тенденция находит своё отражение в том, что во многих более поздних работах вместо термина «речевой акт» (speech act) употребляется выражение «набор речевых актов» (speech act set) (см. напр. [9 : 1983 ; 10 : 1996] и др.).

Вопрос о выделении базовой единицы процесса речевого общения ставился также

и другими авторами в рамках других теорий. На русской почве почти параллельно с теорией речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля возникает и развивается теория речевых жанров Михаила Михайловича Бахтина, к сожалению, до настоящего времени мало известная в зарубежной лингвистике [11 : 69]. В рамках данной теории вводится понятие «речевого жанра», также базирующееся на высказывании как минимальной коммуникативной единице, но не сводимое к нему, а понимаемое как некий обобщающий тип: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [4 : 159]. Проблема соотношения понятий «речевого акта» и «речевого жанра» широко обсуждалась в российской лингвистической литературе (см. напр. [12–14] и др.), поэтому, не останавливаясь подробно на всех сходствах и различиях в семантике этих терминов, отметим лишь следующее. Как и термин «речевой акт», понятие «речевого жанра» также является многозначным и нечётко очерченным (см. [13 : 11]). На это обстоятельство указывал и сам Бахтин, отмечавший «крайнюю разнородность речевых жанров», к которым он относил «и короткие реплики бытового диалога, <...> и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов, <...> и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [4 : 159–160].

Важно подчеркнуть, что ни теория речевых актов, ни теория речевых жанров в своих классических вариантах не ставили перед собой задачи изучения функционирования предлагаемых ими базовых единиц на материале различных языков. Дж. Остин и Дж. Сёрль разработали свою теорию исключительно на материале английского, а М. М. Бахтин – русского языка. Их последователи, однако, стремились использовать предложенные ими модели как основу для контрастивного анализа форм их реализации в разных парах языков (напр. [15–21]). Хотя в целом сопоставительные исследования были осуществлены успешно, стало понятно, что каждая из моделей требует определённой доработки и адаптации для целей контрастивного изучения языков.

В это же время появляются отдельные работы и исследовательские направления, в рамках которых целенаправленно создаются модели, предназначенные для полного, си-

стемного и исчерпывающего сопоставительного описания коммуникативного поведения в двух или более социокультурных сообществах.

В русскоязычной литературе для комплексного описания коммуникативного поведения народа И. А. Стерниным были разработаны три модели: ситуативная, аспектная и параметрическая [22]. На основе данных моделей было проанализировано коммуникативное поведение многих национальных сообществ, изолированно и в сопоставлении (см. тематическую серию «Коммуникативное поведение», издаваемую в Воронеже).

В немецкоязычной литературе широкое распространение получила модель речевой деятельности (*sprachliches Handlungsmuster / speech action pattern*) Конрада Элиха и Йохена Ребайна [23–25]. Под «моделью деятельности» авторы понимают «специфическое сочетание действий и последовательностей действий» (*spezifisches Ensemble von Tätigkeiten und Tätigkeitsabfolgen*) [24 : 137], а свою модель определяют следующим образом: «Под моделью речевой деятельности понимаются возможные формы стандартизированных действий, актуализирующиеся и реализующиеся в конкретной деятельности» (*Sprachhandlungsmuster oder Sprechhandlungsmuster sind Formen von standardisierten Handlungsmöglichkeiten, die im konkreten Handeln aktualisiert und realisiert werden*) [23 : 250]. Авторы подчёркивают, что речевая деятельность не изолирована от остальных форм социальных практик, а в функциональном отношении интегрирована в другие формы общественной деятельности. Основными составляющими моделей речевой деятельности являются ментальные, акциональные и интеракциональные действия, называемые прагмемами. Модель обладает глубинной структурой, определяющей сочетания прагмем и последовательность действий внутри модели, структурная организация зависит от целей модели [23 : 252 ; 273]. Отдельные речевые действия как представители поверхностной структуры определяются как структурой конкретной модели, так и соотношениями между моделями.

Модель К. Элиха и Й. Ребайна была создана изначально для целей описания монолингвального речевого поведения в различных учреждениях (школы, больницы и т.п.), однако может быть также успешно применена в сопоставительных исследованиях (ср. [26 ; 27 ; 25 : 145, 148]).

В настоящее время, когда сопоставительный анализ коммуникативного поведения представителей разных культур и языков является одним из наиболее актуальных

направлений лингво-прагматического анализа, всё более осознанной становится необходимость выработки определённого алгоритма для такого рода исследований, что позволило бы получать в большей или меньшей степени единообразные результаты.

В рамках данной статьи предлагается и выносится на дискуссию такой алгоритм. В его основе лежит описание унифицированной единицы коммуникации и путей её реализации в коммуникации.

Основываясь на представленном выше анализе речевых элементов и моделей, предложенных разными авторами, представляется целесообразным определить единицу, лежащую в основе стереотипных коммуникативных действий как модель речевого поведения (МРП). Такие модели включают в себя некий набор вербальных (и / или невербальных) действий и распространяются на повседневные ситуации межличностного общения, ограниченные относительно небольшим временным отрезком. Таким образом, понятие МРП уже, чем понятие речевого жанра, оно сближается с представлением о «наборе речевых актов», представленном в работах последователей Дж. Остина и Дж. Сёрля, и с ситуативной моделью И. А. Стернина, однако обладает, в отличие от них, определённой структурой, которая будет описана ниже. При сравнении МРП с «моделью речевой деятельности» Конрада Элиха и Йохена Ребайна следует отметить, что МРП предназначена, прежде всего, не для анализа различных видов монолингвального дискурса, а для того, чтобы служить основой (*Tertium Comparationis*) в контрастивных исследованиях коммуникативного поведения представителей разных лингвокультурных сообществ, что находит отражение в её описании. К типичным МРП относятся такие широко обсуждаемые в прагмалингвистике модели, как ОБЕЩАНИЕ, ПРОСЬБА, УГРОЗА и т.п.

МРП конституируется набором элементарных высказываний, объединённых единой иллокутивной целью. Высказывания, входящие в данную МРП, организованы по принципу поля, в составе которого выделяется прототипический центр и градуально сформированная периферия, включающая выражения от граничащих с прототипическими до маргинальных.

В каждой речевой ситуации Говорящий выбирает из состава соответствующего коммуникативно-прагматического поля подходящее высказывание. Его выбор определяется иллокутивной целью, коммуникативно-прагматическими факторами и структурой основных формул, входящих в МРП.

2. Основные факторы и компоненты контрастивного анализа МРП

2.1. Иллокутивная цель высказывания: возможности описания и определения

Организирующим фактором МРП является иллокуция. То или иное высказывание может быть отнесено к определённой модели исключительно на основе того, какую иллокутивную цель преследует Говорящий при его произнесении. Важно проблемой при этом является необходимость семантической экспликации каждой конкретной целевой установки, то есть необходимо определить, что следует понимать под иллокуцией ОБЕЩАНИЯ, ПРОСЬБЫ, УГРОЗЫ и т.п. Такие дефиниции должны быть в максимальной степени универсальными, культурно независимыми, кроме того, они должны быть сформулированы как можно более единообразно в отношении различных МРП (см. [28 : 22 ; 29 : 63]). В качестве возможной научной основы для описания прагматического инварианта МРП может быть использована теория Естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой (30), современное состояние теории отражено на интернет-странице: <http://www.griffith.edu.au/humanities-languages/school-languages-linguistics/research/natural-semantic-metalanguage-homepage>. Теорию ЕСМ А. Вежбицкая неоднократно апробировала в ходе описания и сопоставления речевых актов и речевых жанров (см., напр. [30–32] и др.), ею были сформулированы ряд экспликаций, например, для ПРОСЬБЫ, ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ, СОВЕТА и др. Однако единого каталога дефиниций для различных речевых актов и / или речевых жанров (в терминологии автора) А. Вежбицкой создано не было. Важной публикацией в этой связи является Словарь английских речеактивных глаголов [33], однако в данном случае мы не имеем дело с универсальными концептами, в составе словаря анализируются конкретные глаголы конкретного языка. При этом следует учитывать то, что для реализации одной и той же речевой модели в разных языках может использоваться разный набор глаголов с определёнными отличиями в семантической экспликации, ср. рус. *предлагать* – англ. *suggest / propose*. Следует также упомянуть, что глаголы речи русского языка были описаны с применением аналогичной методики М. Я. Гловинской [34].

Наряду с теорией ЕСМ существуют, как известно, и другие концепции культурно нейтрального метаязыка, который можно было бы использовать для формулирования различного рода толкований. К наиболее известным следует отнести метаязык Московской семантической школы (МСШ) [35–37] и логический язык А. Богуславского [38 ;

39]. Однако ЕСМ представляет собой, на наш взгляд, в настоящее время в наибольшей степени законченную концепцию, поэтому при выработке определений для МРП мы предлагаем использовать теорию ЕСМ как основополагающую. Наряду с набором концептуальных примитивов в рамках теории ЕСМ были выработаны правила, на основе которых эти элементарные единицы должны объединяться с целью выражения того или иного значения. Таким образом, формируются списки канонических контекстов или канонических предложений. Чаще всего они имеют вид формулы с подлежащим, выраженным местоимением первого лица единственного числа и сказуемым в настоящем времени с модализацией или без, например: *Я полагаю, что ты можешь это сделать. Я говорю: Я хочу, чтобы ты это сделал* и т. п.

Таким образом, для каждой МРП необходимо выработать дефиницию её иллокутивной цели на основе списка семантических примитивов и правил построения канонических предложений.

Авторы теорий семантического метаязыка не без оснований полагают, что полностью избежать культурной специфики при характеристике МРП очень трудно. С одной стороны, представление о каждой речевой модели является в той или иной степени культурно обусловленным, что было наглядно показано А. Вежбицкой на основе сравнения речевой модели извинения в японском и в европейских языках (см. [40 : 655–662]). С другой стороны, сам набор семантических примитивов, в конечном итоге, в той или иной степени отражает специфику естественного языка, который он представляет (ср. [41 : 34]). Тем не менее, при контрастивном исследовании МРП в двух или нескольких языках следует стремиться к как можно более универсальной дефиниции иллокутивной цели.

2.2. Коммуникативно-прагматические факторы

Все неязыковые факторы, влияющие на процесс выбора языковых форм для реализации той или иной коммуникативной задачи, можно разделить на три основные группы: социальные факторы, культурные факторы и ситуативные факторы.

2.2.1. Социальные факторы.

Социальные факторы связаны с личностными особенностями интерактантов и отражают их позицию в обществе. К этой группе факторов могут быть отнесены различные характеристики взаимодействующих лиц, в частности:

1) социальный статус коммуникантов, т.е. их принадлежность к определённой соци-

альной группе, профессия, занимаемая должность, уровень образования, семейное положение, пр.;

2) биолого-физиологические данные интерактантов, т.е. их пол, возраст, состояние здоровья и пр.;

3) национальная принадлежность, т.е. отнесённость субъекта к определённой этнической общности;

4) региональная принадлежность, т.е. связь субъекта с определённой территорией проживания и / или происхождения;

5) языковая компетенция, т.е. знание субъектами определённого языкового кода, которым они пользуются при вербальной интеракции;

6) психологический тип субъектов, т.е. их темперамент, экстравертная или интровертная ориентация и пр.;

7) степень знакомства коммуникантов; (ср. [42 : 28–29]).

2.2.2. Культурные факторы

Эта группа факторов связана с культурными особенностями общества, членом которого являются интерактанты. Они находят своё выражение в традициях, обычаях, привычках, культурных нормах. К наиболее важным факторам этой группы относятся следующие:

1) нормы этикета, под которыми подразумеваются общепринятые традиционные правила, предписывающие формы поведения в обществе;

2) нормы вежливости, регулирующие отношения между коммуникантами в каждой конкретной ситуации. Понятие вежливости, несомненно, связано с понятием языкового этикета в целом. Но было бы неправильно отождествлять эти два понятия: «Этикет представляет собой систему формальных поведенческих актов, и поскольку форма в известной мере автономна по отношению к содержанию, правила этикета не эквивалентны нормам морали» [43 : 55]. Если языковой этикет предписывает определённые формы поведения и использование определённых языковых выражений в соответствующих ситуациях, то вежливость связана с проявлением взаимного уважения. Вежливость заключатся в применении говорящим языковых средств и стратегий, сигнализирующих адресату о том, что к нему хорошо относятся и что уважение собеседника распространяется на его личностную сферу [44 : 82]; ср. также [45].

3) социальные стереотипы как стандартизированное мнение об определённых социальных группах или отдельных лицах как представителях этих групп.

Факторы такого рода также могут повлиять на выбор стратегии поведения. Так, если

одним из коммуникантов является женщина, а говорящий мужчина принадлежит к культуре, в которой женщины рассматриваются как неравноправные мужчинам члены общества, то это может повлиять на выбор МРП: мужчина будет скорее отдавать приказы и угрожать, чем просить и убеждать.

2.2.3. Ситуативные факторы.

Ситуативные факторы, непосредственно связаны с текущей ситуацией, в которой происходит общение. К ним можно отнести:

1) время и место события;

2) связь речевого акта с остальным курсом;

3) психическое и физическое состояние коммуникантов.

При определении общей стратегии поведения ситуативные факторы подчинены первым двум группам факторов. М. Халлидей следующим образом характеризует их соотношение: «Контекст культуры определяет потенциал и диапазон открытых возможностей. Непосредственный же выбор из этих возможностей происходит в данном контексте ситуации (The context of culture defines the potential, the range of possibilities that are open. The actual choice among these possibilities takes place within the given context of situation)» [46 : 49]. Таким образом, социальные и культурные факторы очерчивают круг МРП, из которого может быть осуществлён выбор, а ситуативные факторы определяют конкретную модель в данной коммуникативной ситуации.

2.3. Структура основных формул, входящих в МРП

Каждая модель речевого поведения реализуется в определённых базовых грамматических структурах. Набор этих структур варьирует от модели к модели: так, для большинства директивных актов типичной формой реализации будет императивная конструкция, тогда как ассертивные и декларативные акты чаще всего выражаются с помощью повествовательных предложений. Не для всех МРП характерны структуры, включающие перформативные глаголы. Большинство МРП действительно в прототипическом случае реализуются с помощью перформативного глагола (например: ПОЗДРАВЛЯТЬ, ЗАВЕЩАТЬ). Но в некоторых случаях глагол, обозначающий цель коммуникации, не может ни в каком случае быть использован как перформативный (например: УГРОЖАТЬ, ОБМАНЫВАТЬ) (подробнее см. [29 : 64]). В составе полной перформативной формулы можно выделить, как правило, четыре составляющих: компоненту Действия, компоненту Говорящего, компоненту Адресата и компоненту Повода (для совершения

речевого акта) (ср. [47 : 48]). Последняя компонента является специфичной для каждой конкретной МРП: она может выражать содержание ПРОСЬБЫ или СОВЕТА, причину ИЗВИНЕНИЯ, повод для ПРИГЛАШЕНИЯ и т. п. Каждая из составляющих перформативной формулы может иметь сходства и различия в грамматическом оформлении в каждом из сопоставляемых языков. Все выше названные особенности должны быть учтены при характеристике МРП.

3. Коммуникативно-прагматическое поле как организационная структура МРП

Для более наглядного представления состава и структуры МРП целесообразно использовать при описании моделей теорию поля. Принцип поля, введённый в лингвистический обиход ещё в 30-х годах 20-го века, зарекомендовал себя как продуктивный способ репрезентации существующих отношений между элементами языковой системы. Как показали исследования в области лексических и грамматических систем языков, теория поля позволяет передать как взаимодействие разноуровневых средств выражения для передачи определённого значения или определённой функции, так и взаимоотношение между планом содержания и планом выражения любых языковых единиц.

В этом смысле поле представляет собой перспективную основу для контрастивных исследований (ср. [48]). В процессе сопоставления языков семантический инвариант поля выполняет функцию третьего члена сравнения (*Tertium Comparationis*), а средства выражения отражают специфику устройства каждого из сопоставляемых языков. Важнейшим признаком поля является членение языковых единиц по принципу центр – периферия. Ф. Данеш обосновал этот принцип как универсальный признак устройства языка на разных его стратификационных уровнях [49].

В качестве доминанты поля, как нам представляется, может выступать цель МРП или его иллокутивная сила. Такая постановка вопроса даёт нам возможность объединить все существующие в сопоставляемых языках формы выражения МРП с определённой иллокутивной задачей в поле. Такое поле мы могли бы обозначить как коммуникативно-прагматическое поле.

Применение понятия поля для анализа форм реализации МРП могло бы внести существенный вклад в развитие теории речевых актов и их сопоставительное изучение, так как с помощью модели поля можно выявить системные отношения между элемен-

тами, их функциональную связь и, таким образом, наглядно продемонстрировать парадигматические и синтагматические отношения между элементами.

Коммуникативно-прагматические поля соединяют инвентарь разнообразных грамматических, лексических, словообразовательных, топологических и просодических средств, служащих для выражения определённой иллокутивной цели (например, ПРОСЬБЫ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ИЗВИНЕНИЯ, ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ и т.д.) (ср. [50 : 326–327]). Таким образом, коммуникативно-прагматическое поле представляет собой совокупность иллокутивной силы МРП и ее форм.

Как было уже указано, ведущим конституирующим принципом полевой структуры является деление средств выражения, образующих поле, на центральные и периферийные. Организующая поле доминанта и наиболее тесно связанные с ней средства реализации образуют ядро поля, в то время как остальные конституенты распределяются по периферии поля. Ядро и периферия отличаются следующими принципами: 1) максимальная концентрация прототипических признаков (ядро) – меньшая концентрация таких признаков (периферия), 2) максимальная коммуникативная нагрузка конституентов (ядро) – меньшая нагрузка (периферия), 3) наибольшая специализированность соответствующих языковых средств для реализации определённой коммуникативной задачи (ядро) – меньшая степень специализации (периферия), 4) высшая степень регулярности и употребительности данного языкового средства (ядро) – нерегулярность и меньшая употребительность (периферия), 5) постепенный переход признаков от центра к периферии и пересечение с соседними полями на периферии (ср. [51 : 18 ; 52 : 5]).

Состав коммуникативно-прагматического поля является этнокультурно обусловленным. Одна и та же иллокутивная цель может быть в разных языках и культурах выражена разными средствами, распределение которых по полю может зависеть от конкретного языка. В этом смысле полевая модель является плодотворным инструментом для контрастивного анализа.

При сопоставлении МРП ПРИВЕТСТВИЯ, например, выясняется, что центральной формуле ПРИВЕТСТВИЯ в русском языке *Здравствуйте!* в современном немецком языке соответствуют два выражения: *Guten Tag!* и *Hallo!* Последняя формула, которая первоначально употреблялась только как приветствие по отношению к социально равнонаправленным партнёрам по коммуникации (ср. в русском *Привет!*), в последние два-

три десятилетия употребляется параллельно с конструкцией *Guten Tag!* фактически универсально [53 : 210 et passim; 54 : 138, 153 ; 55 : 63 , 123], ср.:

(1) – *Здравствуйте, Михаил Петрович. Хорошо, что мы встретились.*

(2) – *Guten Tag, Herr Bauer, gut, dass ich Sie treffe!*

В Германии также возможно:

(3) “*Hallo Herr Professor Bauer, ich hoffe diese Nachricht erreicht Sie oder einen wissenschaftlichen Mitarbeiter Ihres Bereiches*” (DMSG-Forum).

Таким образом, формула *Hallo!* находится в центре коммуникативно-прагматического поля ПРИВЕТСТВИЯ в немецком языке, что о русской формуле *Привет!* сказать нельзя. Формула *Привет!*, хотя и употребляется достаточно часто, является в современном русском языке стилистически маркированной и не может поэтому принадлежать центру поля.

4. Понятия эквивалентности и адекватности в контрастивных исследованиях

В связи с тем, что в последние 20–30 лет контрастивные исследования сосредоточиваются не только на данных языковой системы, т.е. на сопоставлении лексических единиц, морфологических категорий и синтаксических конструкций, а обращаются все больше к сопоставлению речевой деятельности и выявлению своеобразия различных лингвокультур (ср. [47 ; 56–60]), заново ставится вопрос выявления эквивалентных соотношений между сравниваемыми языками. Важнейшей задачей при сопоставлении МРП в различных языках является выявление и описание конструкций, выполняющих идентичную коммуникативную функцию и реализующих одну и ту же иллокутивную цель и являющихся, таким образом, коммуникативными эквивалентами. При этом понятия системной и коммуникативной эквивалентности не являются тождественными.

Как известно, предпосылкой выявления эквивалентов является идентичность предметов и ситуаций объективной или воображаемой действительности. Тождественные концепты, пропозиции или МРП передаются в каждом языке специфическими средствами выражения. Это связано с тем, что каждый язык по-своему обозначает положения вещей, выбирает и упорядочивает при номинации объектов различные аспекты. Отражая тождественные денотаты, каждый язык характеризуется автономностью относительно своего конкретного кодирования,

т.е. языки различаются не только тем, что они передают идентичные денотаты различными языковыми средствами – этот факт является для контрастивной лингвистики тривиальным, – а также и тем, каким способом передается внеязыковое содержание. Поэтому для установления эквивалентных соотношений следует учесть весь диапазон разноуровневых средств выражения в каждом из сопоставляемых языков: морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные, топологические, просодические, т.е., грамматикализованные и неграмматикализованные, лексикализованные и нелексикализованные.

В связи с включением в объект контрастивных исследований речевой деятельности участников коммуникации и необходимостью анализа роли говорящего и слушающего в процессе формирования дискурса возникает вопрос, в какой степени понятие эквивалентности сможет отразить данные внеязыковые параметры, связанные с особенностями коммуникативных ситуаций, со спецификой социальных, возрастных, ситуативных и этнокультурных соотношений участников акта общения, а также с их отношением к объекту речи.

Чтобы ответить на вопрос о различиях в соответствиях между системными единицами двух языков, с одной стороны, и функционированием этих единиц в речевой деятельности, с другой стороны, предлагается различать понятия эквивалентности и адекватности (ср. [61–63]).

Эквивалентность – это системное соответствие языковых структур на лексическом и грамматическом уровнях на основе их функциональной идентичности. Как правило, в научной литературе различают разные степени эквивалентности: полную, частичную и нулевую эквивалентность (ср. [64 : 43–57]).

Охарактеризовать понятие адекватности необходимо в сопоставлении с понятием эквивалентности. В то время как под эквивалентностью понимается системное соответствие в языковых (лексических и грамматических) конструкциях (ср. [65 ; 66]), адекватностью называется системное соответствие между речевыми выражениями МРП, которое основывается на коммуникативной идентичности и тождественности иллокутивной силы высказываний (ср. [62 ; 63]). При таком ситуативном сопоставлении возможны различия в отношении их структурной эквивалентности.

В зависимости от объекта сопоставления можно выделить четыре уровня соотношения между адекватностью и эквивалентно-

стью: 1) адекватность и эквивалентность могут совпадать, 2) адекватность может соотноситься с неэквивалентностью, 3) адекватность может соотноситься с нулевой эквивалентностью и 4) эквивалентность может соотноситься с неадекватностью. Рассмотрим коротко эти четыре возможности соотношения адекватности и эквивалентности.

1) Отношения адекватности и эквивалентности совпадают, например, при сопоставлении выражения просьбы при помощи вопросительного предложения, ср.:

(4) *Вы не скажете, как пройти на станцию метро «Университетская»?*

(5) *Können Sie mir nicht sagen, wie man zur Metrostation "Universität" gelangt?*

В данном примере потенциально-модальное значение совершенного вида (*сказать*) в немецком языке передаётся модальным глаголом (*können*). На основе соответствия между частным значением совершенного вида в русском языке и модальным глаголом в немецком можно говорить о частичной эквивалентности, на которой базируется ситуативная адекватность.

2) Второй уровень взаимоотношения адекватности и эквивалентности, т.е. соответствие адекватности и неэквивалентности, проявляется, например, в ситуации просьбы, где один пассажир в городском транспорте просит другого передать билет, ср.:

(6) *Передайте, пожалуйста, билетик.*

(7) *Geben Sie bitte mal den Fahrschein weiter. / Könnten Sie mal den Fahrschein weitergeben?*

Чтобы уменьшить значимость своей просьбы и как можно меньше затрагивать персональную территорию адресата, русскоговорящий пассажир употребляет уменьшительную форму существительного (*билетик*). Немецкий же говорящий для выражения аналогичного намерения, как правило, не станет употреблять уменьшительную форму существительного, поскольку в немецком языке она указывала бы на размер билета ‚маленький билет‘ (*Fahrscheinchen*). Однако в немецком высказывании в подобной ситуации вводится модальная частица (*mal*), которая смягчает повелительное наклонение глагола. То есть, несмотря на то, что между уменьшительной формой существительного и модальной частицей отношения системной эквивалентности быть не может, между высказываниями просьбы в немецком и русском языках можно установить отношение адекватности. В этом смысле перед нами соответствие адекватности и неэквивалентности.

Случай, где между русской и немецкой коммуникативной ситуацией существует соотношение адекватности на основе неэквивалентности средств выражения:

(8) – *Вы не подскажете, как пройти на вокзал?*
– *Нет, не знаю. Я не здешний.*

– *Извините.*

(9) *“Können Sie mir sagen, wie ich hier zum Bahnhof komme?”*

“Nein, tut mir Leid. Ich bin nicht von hier.”

“Danke.”

Нас в этой ситуации интересует возможная реакция говорящего на отрицательный ответ партнёра коммуникации. В немецком языке говорящий в большинстве случаев благодарит адресата, несмотря на то, что тот не смог ему помочь. Он благодарит за то, что адресат уделил ему свое внимание. Русский, напротив, скорее всего, ответил бы вместо выражения благодарности формой извинения. То есть, он извиняется за то, что он в смысле дистанционной вежливости затронул персональную территорию адресата (ср. [45]).

3) Третий уровень взаимоотношения адекватности и эквивалентности представляет собой соответствие адекватности и нулевой эквивалентности. Это соотношение наблюдается тогда, когда в коммуникативной культуре сравниваемых языков нет соответствий в языковом поведении. В качестве примера можно привести определённые формулы приветствия и пожелания. Так, в различных диалектах и социолектах Германии приняты формулы ПРИВЕТСТВИЯ, неизвестные в России, например, *Petri Heil!* в жаргоне рыбаков. Хотя в Большом немецко-русском словаре О. И. Мо-скальской [67 : 189] по отношению к приветствию немецких рыбаков *Petri Heil!* даётся русское соответствие *Слава апостолу Петру!*, нельзя утверждать, что русские рыбаки при встрече употребляют эту этикетную формулу (в новом немецко-русском словаре, ср. [68 : 330], приводится правильное объяснение этого немецкого приветствия). И наоборот, русское приветствие идущему из бани *С лёгким паром!* не имеет соответствия в немецкой культуре отдыха, вот почему в Германии в идентичной ситуации эту формулу дословно переводить нельзя. Исходя из вышеприведённых ситуаций, где наблюдаются различия в нормах языкового употребления и в конвенциональном языковом поведении, можно говорить о нулевой эквивалентности.

4) Четвёртый уровень, когда эквивалентность соотносится с неадекватностью, проявляется, например, в ситуации ПОЗДРАВЛЕНИЯ.

В то время как русские и немцы поздравляют друг друга с личными праздниками, такими как день рождения, серебряная свадьба и т. д., религиозные и государственные праздники, такие как Рождество и Новый год, являются только в России мотивацией для МРП поздравления. В Германии по этому поводу не поздравляют, а передают наилучшие пожелания. Поэтому примеры (10) и (11) являются формальными (грамматически и лексически правильными) эквивалентами, но не адекватными соответствиями.

- (10) *Serdecно поздравляю Вас с Новым годом.*
 (11) *Ich gratuliere Ihnen herzlich zum neuen Jahr.*

Адекватное немецкое соответствие было бы, как правило, ПОЖЕЛАНИЕ:

- (12) *Ich wünsche Ihnen ein gutes neues Jahr.*

Приведённые примеры показывают, что при помощи понятия адекватности можно установить самые разнообразные соответствия в речевом поведении двух этнокультур и их формальном воплощении в МРП данных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Searle J. R. *Speech acts. An essay in the philosophy of language.* Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 203 p.
2. Savigny von E. *Sentence meaning and utterance meaning: a complete case study // Meaning, use and interpretation of language / ed. R. Bäuerle. Berlin : Walter de Gruyter, 1983. P. 423–435.*
3. Lyons J. *Linguistic semantics: An introduction.* Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 376 p.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. *Собрание сочинений.* М. : Русские словари, 1996. Том 5 : Работы 1940–1960 годов. С. 159–206.
5. May J. L. *Pragmatics. An introduction.* 2nd. ed. Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2001. 418 p.
6. Gladrow W. *Die Konzeption der mehrdimensionalen Äußerungsstruktur im russisch-deutschen Sprachvergleich // Beiträge zur russisch-deutschen kontrastiven Grammatik / Hrsg. von W. Gladrow, R. Hammel. Frankfurt am Main u a. : Lang, 2001. S. 27–46.*
7. Вежбицка А. Речевые жанры // *Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 99–111.*
8. Сёрль Д. Что такое речевой акт? // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 / под ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс. С. 151–169.*
9. Olshtain E., Cohen A. D. *Apology : A speech act set // Sociolinguistics and language acquisition / eds. N. Wolfson, E. Judd. Rowley, MA : Newbury house, 1983. P. 18–35.*
10. Murphy B., Neu J. *My grade's too low : The speech act set of complaining // Speech acts across*

cultures : Challenges to communication in second language / eds. S. M. Gass, J. Neu. Berlin : Mouton de Gruyter, 1996/ P. 191–216.

11. Dönninghaus S. *Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlichen Interaktion) // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV), Bd. 4. Hrsg. von K. Böttger, S. Dönninghaus, R. Marzari. München : Otto Sagner Verlag, 2001. S. 69–79.*

12. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт: некоторые аспекты проблемы // *Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 52–61.*

13. Дементьев В. В. *Теория речевых жанров.* М. : Знак, 2010. 600 с.

14. Комлева Е. В. Соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов) // *Теория и практика общественно-го развития. Краснодар, 2011, № 5. С. 296–300.*

15. Rose K. R. *Method and scope in cross-cultural speech act research: A contrastive study of requests in Japanese and English. PhD Dissertation, 1992. URL: <http://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/2152> 5 (дата обращения: 20. 05. 2015).*

16. Eslamirasekh Z. *A cross-cultural comparison of the requestive speech act realization patterns in Persian and American English. PhD Dissertation, 1992. URL: <https://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/2172> 0 (дата обращения: 20.05.2015).*

17. Félix-Brasdefer J. C. *Pragmatic variation across Spanish(es): Requesting in Mexican, Costa Rican, and Dominican Spanish // Intercultural pragmatics, 2009, vol. 6, № 4. P. 473–515.*

18. Шеловских Т. И. Речевой акт совета : функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 16 с.

19. Дубровская, Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 25 с.

20. Фенина В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 20 с.

21. Гаиева О. В. Речевой акт обещания в современном французском и английском языках : семантико-прагматический и грамматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.

22. Стернин И. А. *Модели описания коммуникативного поведения.* Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. 27 с.

23. Ehlich K., Rehbein J. *Sprachliche Handlungsmuster // Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften / Hrsg. von H.-G. Soeffner. Stuttgart: Metzler, 1979. S. 243–274.*

24. Ehlich K., Rehbein J. *Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation.* Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986. 62 s.

25. Bührig K. «Speech action patterns» and «discourse types» // *Folia linguistica, 2005. Vol. 39, № 1–2. S. 143–171.*

26. Interkulturelle Kommunikation / Hrsg. von J. Rehbein. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985. 495 s.
27. Multilingual communication / eds. J. House, J. Rehbein. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2004. 358 p.
28. *Гладров В.* Специфика употребления методов и приемов в сопоставительном изучении русского языка // Русский язык за рубежом. М., 1994, № 5–6. С. 17–23.
29. *Которова Е. Г.* Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований / Tomsk journal of linguistics and anthropology, Вып. 1 (1), 2013. С. 58–67.
30. *Wierzbicka A.* Act of speech // Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt am Main : Athenäum Verlag, 1972. P. 122–149.
31. *Wierzbicka A.* Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław etc.: Ossolineum, 1983. S. 125–137.
32. *Wierzbicka A.* A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres // Language and society, 1985, vol. 1. P. 491–513.
33. *Wierzbicka A.* English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney etc.: Academic Press, 1987. 397 p.
34. *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М. : Наука, 1993. С. 158–218.
35. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 367 с.
36. *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст» // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 1. Wien : Institut für Slawistik der Universität Wien, 1980. 119 с.
37. *Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1994, № 4. С. 27–39.
38. *Bogusławski, A.* Semantyczne pojęcie liczebника. Wrocław : Ossolineum, 1966.
39. *Bogusławski A.* On semantic primitives and meaningfulness // Sign, Language and Culture / eds. A.J. Greimas, R. Jakobson, M. R. Mayenowa, S. Zolkiewski. The Hague : Mouton, 1970. P. 143–152.
40. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева / под ред. Т. В. Булыгиной. М. : Языки русской культуры, 1999. 780 с.
41. *Гладкова А.* Русская культурная семантика. Эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Языки славянских культур, 2010. 304 с.
42. *Богданов В. В.* Речевое общение : Прагматические и семантические аспекты. Л. : ЛГУ, 1990. 88 с.
43. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М. : Институт языкознания АН СССР, 1991. 495 с.
44. *Гладров В.* Скрытая категория вежливости в русском и немецком языках // Семантико-
- дискурсивные исследования языка : эксплицитность / имплицитность выражения смыслов / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград : Изд-во РГУ им. Иммануила Канта, 2006. С. 81–93.
45. *Brown P., Levinson S.* Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 367 p.
46. *Halliday M. A. K.* Explorations in the functions of language. London : Edward Arnold, 1973. 144 p.
47. *Pisarek L.* Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы) // Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. Iss. 89. 173 с.
48. *Гладров В.* Функциональная грамматика и сопоставительная лингвистика // Исследования по языкознанию : К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко / Отв. ред. И. В. Недашков. СПб : СПбГУ, 2001. С. 67–77.
49. *Daneš F.* The Relation of centre and periphery as a language universal // Travaux linguistiques de Prague, 2 : Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue / eds. J. Vachek; K. Májek et al. Prague: Académie Tchécoslovaque des sciences, 1966. P. 9–21.
50. *Flämig W.* Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Berlin: Akademie Verlag, 1991. 640 S.
51. *Бондарко А. В.* Введение. Полевые структуры в системе функциональной грамматики. // Проблемы функциональной грамматики : полевые структуры / под ред. С. А. Шубика, А. В. Бондарко. СПб : Наука, 2005. С. 12–28.
52. *Sommerfeldt K.-E., Schreiber H., Starke G.* Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen. Berlin, München : Langenscheidt, 1991. 144 S.
53. *Schulze-Neufeld H.* Grüßen im Deutschen und Russischen : Eine kontrastive inferenzstatistisch-empirische Analyse // Berliner Slawistische Arbeiten. Vol. 40. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2012. 224 s.
54. *Kadzadej B.* Anrede- und Grußformen im Deutschen und Albanischen // Albanische Universitätsstudien. Bd. 1. Oberhausen : Athena, 2011. 200 s.
55. *Bingan Ch. B. D.* Begrüßung, Verabschiedung und Entschuldigung in Kamerun und Deutschland. Zur linguistischen und kulturkontrastiven Beschreibung von Sprechakten // Medium fremder Sprachen und Kulturen. Bd. 17. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. 224 s.
56. *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin, N. Y. : Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.
57. *Гак В. Г.* Сопоставительная прагматика // Филологические науки, 1992, № 3. С. 78–90.
58. *Городникова М. Д., Добровольский, Д. О.* Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Русский язык, 2001. 332 с.
59. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 512 с.
60. *Формановская Н. И., Третьякова Н. Н.* Русский и немецкий речевой этикет: сходства и разли-

чия. Справочник. Москва : Высшая школа, 2010. 119 с.

61. Гладров В. От эквивалентности языковых структур к адекватности речевых актов // Русистика, 2000, № 1. С. 48–59.

62. Гладров В. Актуальные теоретические аспекты сопоставительного изучения русского языка // Язык. Культура. Человек : сб. науч. ст. к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой / под ред. М. Л. Ремнёвой и др. М : МАКС пресс, 2008. С. 63–69.

63. Kotorova E. G. Äquivalenz und Adäquatheit im Sprachsystem und in der Kommunikation // Die Sprache in Aktion / Hrsg. von M.L. Kotin, E.G. Kotorova. Heidelberg: Winter, 2011. S. 85–93.

64. Einführung in die konfrontative Linguistik / Hrsg. von R. Sternemann. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1983. 147 s.

65. Gladrow W. Der Äquivalenzbegriff in der konfrontativen Linguistik // Zeitschrift für Slawistik, 1990, Bd. 35. S. 476–481.

66. Kotorova E. G. Äquivalenzbeziehungen : Wort, Wortgruppe, Wortsystem. Marburg : Tectum-Verlag, 2007. 197 s.

67. Большой немецко-русский словарь / под ред. О. И. Москальской. В 2 т. Т. 2. М. : Советская энциклопедия, 1969. 1440 с.

68. Новый большой немецко-русский словарь / под общ. рук. Д.О. Добровольского. В 3 т. Т. 2. М. : АСТ Астрель, 2009.

REFERENCES

1. Searle J. R. *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.

2. Savigny von E. Sentence meaning and utterance meaning: a complete case study. *Meaning, use and interpretation of language*. Ed. by R. Bäuerle. Berlin, 1983, pp. 423–435.

3. Lyons J. *Linguistic semantics: An introduction*. Cambridge, 1995. 376 p.

4. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [Problem of speech genres]. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, 1996, pp. 159–206.

5. May J. L. *Pragmatics. An introduction*. 2nd. ed. Oxford, 2001. 418 p.

6. Gladrow W. Die Konzeption der mehrdimensionalen Äußerungsstruktur im russisch-deutschen Sprachvergleich [The concept of multidimensional expression of structure in the Russian-German linguistic comparison.]. *Beiträge zur russisch-deutschen kontrastiven Grammatik* [Contributions to the Russian-German contrastive grammar. Ed. by W. Gladrow, R. Hammel]. Frankfurt am Main u a., 2001, ss. 27–46.

7. Wierzbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 99–111.

8. Sjør! D. Chto takoe rechevoj akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [Novelty

in foreign linguistics. Ed. by B. Ju. Gorodeckogo]. Iss. 17. Moscow, 1986, pp. 151–169.

9. Olshtain E., Cohen A. D. Apology: A speech act set. *Sociolinguistics and language acquisition*. Eds. N. Wolfson, E. Judd. Rowley. MA, 1983, pp. 18–35.

10. Murphy B., Neu J. My grade's too low: The speech act set of complaining. *Speech acts across cultures: Challenges to communication in second language*. Eds. S. M. Gass, J. Neu. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996, pp. 191–216.

11. Dönninghaus S. Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlichen Interaktion) [Speech and communication Genre (Theoretical aspects of verbal interaction)]. *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*, [Contributions from the European Slavistischen Linguistics (POLYSLAV)]. Ed. by K. Böttger, S. Dönninghaus, R. Marzari]. Vol. 4. München, 2001, ss. 69–79.

12. Kozhina M. N. Rechevoj zhanr i rechevoj akt: nekotorye aspekty problemy [Speech genre and speech act: some aspects of the problem]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 52–61.

13. Demytyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

14. Komleva E. V. Sootnoshenie ponjatij «rechevoj zhanr» i «rechevoj akt» (na materiale nemeckih appellativnyh tekstov) [Correlation of the notions «speech act» and «speech genre» (based on the German appellative texts)]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. Krasnodar, 2011, no. 5, pp. 296–300.

15. Rose K. R. *Method and scope in cross-cultural speech act research: A contrastive study of requests in Japanese and English*. PhD Dissertation, 1992. Available at: <http://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/21525> (accessed 20.05.2015).

16. Eslamirasekh Z. *A cross-cultural comparison of the requestive speech act realization patterns in Persian and American English*. PhD Dissertation, 1992. Available at: <https://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/21720> (accessed 20.05.2015).

17. Félix-Brasdefer J. C. Pragmatic variation across Spanish(es): Requesting in Mexican, Costa Rican, and Dominican Spanish. *Intercultural pragmatics*, 2009, vol. 6, no. 4, pp. 473–515.

18. Shelovskih T. I. *Rechevoj akt soveta: funkcion-al'no-pragmaticheskij analiz (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov)* [Speech act of advice: functional-pragmatical analysis (on the base of French and Russian). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Voronezh, 1995. 16 p.

19. Dubrovskaja T. V. *Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkom i anglijskom rechevom obshhenii* [Speech genres «condemnation» and «accusation» in the Russian and English speech communication. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2003. 25 p.

20. Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaja beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turah* [Speech genres «small talk» and «svetskaya beseda» in the Anglo-American and Russian cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2005. 20 p.

21. Gasheva O. V. *Rechevoj akt obeshhanija v sovremenom francuzskom i anglijskom jazykah: semantiko-pragmaticeskij i grammatičeskij aspekti* [Speech act of promising in contemporary French and English: semantic-pragmatic and grammatical aspects. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p.
22. Sternin I. A. *Modeli opisanija komunikativnogo povedenija* [Models of describing of communicative behaviour]. Voronezh, 2000. 27 p.
23. Ehlich K., Rehbein J. Sprachliche Handlungsmuster. *Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften*. Hrsg. von H.-G. Soeffner. Stuttgart, 1979, pp. 243–274.
24. Ehlich K., Rehbein J. *Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation*. Tübingen, 1986. 62 p.
25. Bühlig K. «Speech action patterns» and «discourse types». *Folia linguistica*, 2005. Vol. 39, no. 1–2, pp. 143–171.
26. *Interkulturelle Kommunikation*. Hrsg. von J. Rehbein. Tübingen, 1985. 495 p.
27. *Multilingual communication*. Eds. J. House, J. Rehbein. Amsterdam, Philadelphia, 2004. 358 p.
28. Gladrov V. Specifika upotreblenija metodov i priemov v sopostavitel'nom izuchenii russkogo jazyka [The specifics of application of methods and techniques in comparative studies of the Russian language]. *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. Moscow, 1994, no. 5–6, pp. 17–23.
29. Kotorova E. G. Kommunikativno-pragmaticeskoe pole kak metod kompleksnogo opisanija sposobov realizacii rechevyh aktov [Communicative-pragmatic field as a method of comprehensive description for means of speech acts realization]. *Tomskij zhurnal lingvističeskij i antropologičeskij issledovanij* [Tomsk journal of linguistics and anthropology], Iss. 1 (1). Tomsk, 2013, pp. 58–67.
30. Wierzbicka A. Act of speech. Wierzbicka A. *Semantic primitives*. Frankfurt am Main, 1972, pp. 122–149.
31. Wierzbicka A. Genry mowy. *Tekst i zdanie*. Zbiór studiów. Ed. by T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław et al., 1983, pp. 125–137.
32. Wierzbicka A. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres. *Language and society*, 1985, Vol. 14, pp. 491–513.
33. Wierzbicka A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney etc., 1987. 397 p.
34. Glovinskaja M. Ja. Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevyh aktov [Semantics of speech verbs with regard to speech acts theory]. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticeskij aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect. Eds. E. A. Zemskaja, D. N. Shmelev. M., 1993, pp. 158–218.
35. Apresjan Ju. D. *Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of the language]. M., 1974. 367 p.
36. Apresjan Ju. D. Tipy informacii dlja poverhnostno-semantičeskogo komponenta modeli «Smysl ⇔ Tekst» [Types of information for the surface semantic component of the model «Meaning ⇔ Text»]. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd.1. Wien, 1980. 119 p.
37. Apresjan Ju. D. O jazyke tolkovaniij i semantičeskijh primitivah [On the language of definitions and semantic primitives]. *Izvestija Akademii nauk. Serija literatury i jazyka* [Proceedings of Academy of Science. Series of literature and language]. 1994, no. 4, pp. 27–39.
38. Bogusławski A. *Semantyczne pojęcie liczebnika* [The semantic notion of type number]. Wrocław, 1966. 275 p.
39. Bogusławski A. On semantic primitives and meaningfulness. *Sign, Language and Culture*. Eds. A. J. Greimas, R. Jakobson, M. R. Mayenowa, S. Zolkiewski. The Hague, 1970, pp. 143–152.
40. Vezhbickaja A. Semantičeskie universalii i opisanie jazykov [Semantic universals and language description. Translated by A. D. Shmeleva. Ed. by T. V. Bulyginov]. Moscow, 1999. 780 p.
41. Gladkova A. *Russkaja kul'turnaja semantika. Jemocii, cennosti, zhiznennye ustanovki* [Russian cultural semantics. Emotions, values, life aims]. Moscow, 2010. 304 p.
42. Bogdanov V. V. *Rechevoe obshhenie: Pragmaticeskije i semantičeskie aspekty* [Speech communication: Pragmatic and semantic aspects]. Leningrad, 1990. 88 p.
43. Karasik V. I. *Jazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow, 1991. 495 p.
44. Gladrov V. Skrytaja kategorija vezhlivosti v russkom i nemeckom jazykax [Hidden category of politeness in Russian and German]. *Semantiko-diskursivnye issledovanija jazyka: jekspličitnost' / implicitnost' vyrazhenija smyslov* [Semantic-discursive research of language: explicit / implicit of the sense expression. Ed. by S. S. Vaulinov]. Kalinigrad, 2006, pp. 81–93.
45. Brown P., Levinson St. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge, 1987. 367 p.
46. Halliday M. A. K. *Explorations in the functions of language*. London, 1973. 144 p.
47. Pisarek L. Rechevyje dejstvija i ih realizacija v russkom jazyke v sopostavlenii s pol'skim (jekspressivny) [Speech actions and its realization in the Russian language in comparison to Polish (expressives)]. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis*. Wrocław, 1995, iss. 89. 173 p.
48. Gladrov, V. Funkcional'naja grammatika i sopostavitel'naja lingvistika [Functional grammar and comparative linguistics]. *Issledovanija po jazykoznaniju* [Studies in linguistics. Ed. by I. V. Nedjalkov]. St.-Petersburg, 2001, pp. 67–77.
49. Daneš F. The relation of centre and periphery as a language universal. *Travaux linguistiques de Prague, 2: Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue*. Eds. J. Vachek; M. Komárek et al. Prague, 1966, pp. 9–21.
50. Flämig W. *Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge* [Grammar of German. Introduction to structure - activity relationships]. Berlin, 1991. 640 p.
51. Bondarko A. V. Vvedenie. Polevyje struktury v sisteme funkcional'noj grammatiki [Introduction. Field

- structures in the system of functional grammar]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: polevye struktury* [Problems of functional grammar: field structures. Ed. by. S. A. Shubika, A. V. Bondarko]. St.-Petersburg, 2005, pp. 12–28.
52. Sommerfeldt K.-E., Schreiber H., Starke G. *Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen* [Grammatical-semantic fields. Introduction and exercises]. Berlin, München, 1991. 144 p.
53. Schulze-Neufeld H. Grüßen im Deutschen und Russischen: Eine kontrastive inferenzstatistisch-empirische Analyse [Greetings in German and Russian: A contrastive inferential statistics-empirical analysis]. *Berliner Slawistische Arbeiten*. Vol. 40. Frankfurt am Main, 2012. 224 p.
54. Kadzadej B. Anrede- und Grußformen im Deutschen und Albanischen [Salutations and salutation in English and Albanian]. *Albanische Universitätsstudien*. Bd. 9. Oberhausen, 2011. 200 p.
55. Bingan Ch. B. D. Begrüßung, Verabschiedung und Entschuldigung in Kamerun und Deutschland. Zur linguistischen und kulturkontrastiven Beschreibung von Sprechakten. *Medium fremder Sprachen und Kulturen*. Bd. 17. Frankfurt am Main, 2010. 224 S.
56. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin, New York, 1991. 502 p.
57. Gak, V. G. Sopostavitel'naja pragmatika [Contrastive pragmatics]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1992, no. 3, pp. 78–90.
58. Gorodnikova M. D., Dobrovolskij, D. O. *Nemecko-russkij slovar' rechevogo obshhenija* [German-Russian dictionary of speech communication]. Moscow, 2001. 332 p.
59. Larina T. V. *Kategorija vzhlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnyh tradicij* [Category of politeness and style of communication. Comparison of the English and Russian linguo-cultural traditions]. Moscow, 2009. 512 p.
60. Formanovskaja N. I., Tret'jakova N. N. *Russkij i nemeckij rechevoj jetiket: shodstva i razlichija. Spravochnik* [Russian and German speech etiquette: similarities and differences. Handbook]. Moscow, 2010. 119 p.
61. Gladrov V. Ot jekvivalentnosti jazykovykh struktur k adekvatnosti rechevykh aktov [From the equivalence of language structures to the adequacy of speech acts]. *Rusistika* [Russian philology], 2000, no. 1, pp. 48–59.
62. Gladrov V. Aktual'nye teoreticheskie aspekty sopostavitel'nogo izuchenija russkogo jazyka [Topical theoretical aspects of comparative studies of the Russian language]. *Jazyk. Kul'tura. Chelovek* [Language. Culture. Man. Ed. by M. L. Remn'jovoj et al.]. Moscow, 2008, pp. 63–69.
63. Kotorova E. G. Äquivalenz und Adäquatheit im Sprachsystem und in der Kommunikation [Equivalence and adequacy of the language system and in the communication]. *Die Sprache in Aktion* [The language in action. Ed. by M. L. Kotin, E. G. Kotorova]. Heidelberg, 2011, pp. 85–93.
64. *Einführung in die konfrontative Linguistik* [Introduction to the confrontational Linguistics. Ed. by R. Sternemann]. Leipzig, 1983.
65. Gladrow W. Der Äquivalenzbegriff in der konfrontativen Linguistik [The equivalent term in the confrontational Linguistics]. *Zeitschrift für Slawistik* [Journal of Slavic Studies], 1990, vol. 35, pp. 476–481.
66. Kotorova E. G. *Äquivalenzbeziehungen: Wort, Wortgruppe, Wortsystem* [Equivalence relations: word, phrase, word stem]. Marburg, 2007. 197 p.
67. *Bol'shoj nemecko-russkij slovar' v 2 t.* [Comprehensive German-Russian dictionary in 2 vol. Ed. by O. I. Moskal'skaya]. Vol. 2. Moscow, 1969. 1440 p.
68. *Novyj bol'shoj nemecko-russkij slovar' v 3 t.* [New Comprehensive German-Russian Dictionary in 3 vol. Ed. by D. O. Dobrovolskij]. Vol. 2. Moscow, 2009.

Статья поступила в редакцию 28.05.2015.